

**А. Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД:
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ**

Знает ли побережье Черного моря, что трудом Александра Львовича создано его экономическое благополучие, что крупным и талантливым инженером, выстроены порты Севастополя, Одессы, Феодосии, Ялты и Ростова?» — так писал в некрологе о Бертье-Делагарде профессор Новороссийского университета Иван Андреевич Линниченко (1).

А. Л. Бертье-Делагард происходил из семьи французских эмигрантов. Его дед — Александр Иван Генрих Бертье де ла Гард летом 1795 г. оказался в России, а в 1796 г. поступил на русскую службу, секунд-майором в артиллерию. В 1834 г. вышел в отставку в чине генерал-майора. С 1809 г. Бертье де ла Гард служил в Севастополе, здесь же жила его семья. Три сына: Александр, Лев или Людвиг и Константин были офицерами. 26 октября 1842 г. у Людвига родился сын Александр. Первоначальное образование он получил дома, затем по примеру деда и отца посвятил себя военной карьере. В 1853 г. был определен в сухопутный кадетский корпус в Брест-Литовске, потом перевелся в Константиновское военное училище в Петербурге (2). В 1860 г. окончил училище в числе отличников и был выпущен в Волынский полк (3). Затем два года службы в Одессе и инженерная академия. С июня 1864 г. служба военного инженера на юге России. В 1874 г. переведен на службу в Севастополь. После войны с Турцией Александр Львович по своим проектам строил первый водопровод, планировал город; по его же проектам устраивались военный и большой городской бульвары, так же он принимал участие в строении судостроительного адмиралтейства. После выхода в отставку заведовал строительством большей части Одесского порта, Ялтинского, Феодосийского и Ростовского-на-Дону портов (4).

За свои заслуги А. Л. Бертье-Делагард был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени (1867 г.), орденом Св. Анны 3-й степени (1870 г.), орденом Св. Станислава 2-й степени (1874 г.), орденом Св. Анны 2-й степени (1877 г.), орденом Св. равноапостольного Князя Владимира 4-й степени (1886 г.), таким же орденом 3-й степени (1886 г.), орденом Св. Станислава 1-й степени (1902 г.), медалью общества Красного Креста в память участия в деятельности Общества во время русско-японской войны (1908 г.) (5).

Проживая на юге России, Бертье-Делагард интересовался историей этого края. Тавриду он называл своей «малой Родиной». Его увлечение историей и археологией началось с знакомства с Николаем Никифоровичем Мурзакевичем, вице-президентом Одесского общества истории и древностей. В 1880 г. Бертье-Делагард сам стал членом этого общества, впоследствии и его вице-президентом.

Большую часть средств, полученных на государственной службе Александр Львович тратил на собирание предметов древности. По поручению общества Александр Львович покупал античные монеты и керамику, ювелирные украшения. Многие редкие экземпляры, купленные им на свои личные средства, были подарены музею Одесского общества. Среди подаренных им монет особо выделяются: два статера Александра Македонского, один из них — редкого типа с царским титулом; уникальная для своего времени драхма Тир; золотые монеты Римской империи и Византии. Большой вклад внес Бертье-Делагард в пополнение русской коллекции монет (6). Его личная коллекция, размещенная во флигеле во дворе Ялтинского дома, состояла из трех крупных разделов: нумизматического, предметов крымско-татарской старины и ювелирных украшений и предметов торевтики сарматов до византийцев (7). К сожалению, большая часть личных коллекций была продана в конце 1919 г. Что же побудило Александра Львовича продать свои коллекции, которые ранее он собирался завещать Историческому музею в Москве и Одесскому обществу истории и древностей. Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить, что творилось в Крыму в то время и что происходило с самим Бертье-Делагардом. В том нам помогут письма Александра Львовича, адресованные его друзьям — Алексею Васильевичу Орешникову в Москву, Ивану Андреевичу Линниченко в Одессу, Никодиму Павловичу Кондакову в Петроград.

В начале первой мировой войны Александр Львович был в Германии на лечении, откуда с большим трудом выбрался, о чем сообщил Кондакову: «Был за границей, лечился очень хорошо; выбираясь оттуда, попал в жестокую переделку; получил сердечные припадки, все учащающиеся и по истине трудно выносимые»* (16 октября 1914 г.) (8).

Александр Львович тяжело переживал поражения русской армии. Его беспокоила судьба России, которую, с его точки зрения, втравили в войну Англия и Франция (И. А. Линниченко — 23 февраля 1919 г.) (9). Еще в сентябре 1916 г. Бертье-Делагард писал: «Тяжко жить, почти непереносимо. Дела все более и более ухудшаются. Был маленький просвет в румынском нейтралитете, но теперь и этот вексель мы подписали, раздвинув свой фронт на несколько сот верст, став в тягчайшие условия. Да поможет сам Господь, а людям тут делать нечего» (И. А. Линниченко — 4 сентября 1916 г.) (10). В декабрьском письме — продолжение этой же темы: «Неужели мы не достигли еще дна той бездны, в которую вогнал нас Рок. Разум подсказывает еще горшее, но крохи остающейся надежды подговаривают, что волна подымается, только как знать когда это случится; остановимся на времени Петра I или до Ивана IV доберемся» (И. А. Линниченко — 12 декабря 1916 г.) (11).

Мрачные предположения Бертье-Делагарда во многом оправдались. Александр Львович болезненно реагировал на события Февральской революции и последующего времени: «Кучки буйных сумасбродов оказалось достаточным, чтобы разрушить то жалкое ничтожество, которое мы звали пыльным именем своей родины» (12). В письмах Бертье-Делагарда это не единственный резкий эпитет, но было бы несправедливо видеть за этим равнодушие или просто гнев. Александр Львович был искренним патриотом, и боль России была его глубоко личной болью.

Судя по письмам Бертье-Делагарда (а для нас это единственный источник для характеристики его политических взглядов), он был умеренным монархистом. В некоторых своих письмах Александр Львович довольно резко отзывается и о русском царе, но это связано с тем, что, по его мнению, именно бездарная политика Николая II ведет Российскую империю к гибели. «Москва веками собирала Русь: в припадке безумия швырнула ее на шарап и в клочья рвет ее

* Орфография дана в соответствии с источником.

всякий предатель, вся стая сволочи, отмщая истинные и еще более мнимые обиды. Москва молчит, даже помогает и рукоплещет. Забыт весь юг, выброшен и самый Крым, а мы, здесь бывшие русские, покинутые всеми, опозоренные, не смеющие признать родиной Русь, проданы Немцу, Татарам и Мазеповщине. Но я не могу забыть звона тех колоколов, под которыми прошла моя юность и когда погибло все, чем жив был человек, во мне начинает возникать надежда, что когда-нибудь опомнится Москва; — не скоро, конечно, — пройдут поколения, а позор предательства, трусости и подлости во веки веков не снимется, но шевелиться начнут и силой инстинкта, а вовсе не честолюбием завоевательной политики, как думают современные сумасброды; вновь потянет Москву к свету, солнцу, югу» (13) (А. В. Орешникову — 11 августа 1917 г.).

После Февральской революции 1917 г. различные слои российского общества пришли в движение. Особое внимание Бертье-Делагард уделял позиции интеллигенции, считая, что именно эта часть общества является носителем и выразителем таких понятий как Родина, Честь, Законность. «У Вас теперь собираются спасать неизвестно что; будут писать 1001 воззвание и бесчетно говорить речи. Как и вообще безумцы, наши разрушители умеют делать это единственное им знакомое дело в настоящем месте. Первым делом жалкое войско, всюду битое, но все же сковывавшее державу, обратили в шайку беглых и трусливых разбойников; несчастному народу обязательно преподали гражданский грабеж, обставили все нелепыми, но звучными словами, в действительности же все обратили в исконный русский идеал — Пугачевщину. В былое время четверть державы Пугачевцев была подавлена остальными тремя четвертями; ныне грабеж и разбой — всеобщий идеал. В Пугачевщине может быть только самоистребление, но не спасение. Державу погубила интеллигенция, она и сгниет в первую голову, затем перервет себе глотки и половина остальных, а там где были надежды и мечты Руси заведет порядок немец. Спасти можно было бы многое, там где уцелели основные киты цивилизации, о которых у нас не только нет понятия, но даже и слов: *Patria*, *Нопог*, *Justitia*. Когда отчаянные усилия нескольких поколений создадут слова в богатом, яко бы, русском языке, соответствующие этим понятиям, настанет и заря спасения несчастного, жалкого народа; для державы же его не может быть никог-

да, ибо бывшее и Господь уничтожить не может» (А. В. Орешникову — 11 августа 1917 г.) (14).

Столь резкие эпитеты в письмах Бертъе-Делагарда не от желания оскорбить и унижить, а от чувства горечи и боли за свою родину: «Искренне жалею убежденных и погибающих борцов; в далеком будущем это, быть может, будут светила возрождения, а пока это объекты приложения к ним поллой гнусности, окрашенной в цвета всех свобод» (И. А. Линниченко — 5 сентября 1917 г.) (15).

В сентябре 1917 г. Бертъе-Делагардам (с Александром Львовичем жила его сестра Софья Львовна) пришлось переехать во флигель, где ранее размещались коллекции. Бертъе-Делагард боялся, что «разграбят и мою татарщину, которую очень хотел бы довести до Москвы» (И. А. Линниченко — 10 октября 1917 г.) (16).

По воспоминаниям Арсения Ивановича Маркевича (председатель Таврической Ученой Архивной комиссии), близкого друга Александра Львовича, коллекция татарской старины должна была быть завещанной Историческому Музею.

Октябрьская революция в России была еще одним тяжелым ударом для больного сердца. «Сегодня столь ужасные телеграммы из Москвы особенно, что перед ними блекнет всякая Пугачевщина; там была надежда на возможность спасения, теперь никакой» (И. А. Линниченко — 7 ноября 1917 г.) (17).

И еще одно письмо, написанное в декабре 1917 г., насмешливо датированное самим Бертъе-Делагардом «22-го Фримера, 1 года республики, Родной и многоделимой»: «Кто не ждал этого крушения? Сознаюсь, что по старой романтической привычке, в воображении рисовалось многое, но все же грозное, а получилось жалкое ничтожество, столь опереточно-комичное, что более оскорбительного не придумать и в Дантовом аду» (И. А. Линниченко — декабрь 1917 г.) (18).

Тяжелым было положение самого Бертъе-Делагарда и его семьи, т. к. Советская власть лишила его пенсии. В его автобиографии есть такие строки: «Имущество Александра Львовича домовое и земельное, без исключения отнято, собрания подлежат расхищению, он сам остается, буквально, без куска хлеба. Нечто роковое. За гостеприимство деду и его спасение пришлось платить всей трудовой жизнью, всем состоянием, платить и гибнуть внуку. У деда при крушении оставалась надежда молодости — новая жизнь, у внука лишь моление старости — о скором конце: Да ниспошлет его

Господь!» (19) (Автобиографическая справка написана рукой Софьи Львовны Белявской — сестры Александра Львовича, сам же он сделал некоторые исправления).

В феврале 1918 г. Таврическая Ученая Архивная комиссия обратилась в Российскую Академию Наук (IV-заседание РАН, 13 марта) 28 февраля (1918 г.): «ТУАК считает своим долгом обратить внимание АН на бедственное положение почетного члена Александра Львовича Бертье-Делагарда, лишившегося всего своего достояния, и опасность, угрожающую его собраниям величайшей ценности... Часть собраний Александра Львовича, именно его нумизматическая и археологическая (золото) коллекции находятся на хранении в настоящее время в 1-м Симферопольском Обществе Взаимного Кредита. Реквизиция ценностей, хранящихся в банках, уже здесь началась. Необходимо спешить... Старания АН о сохранении за ним пожизненно его дачи и спасении его собраний будут поистине большим подвигом и продлят дни Александра Львовича, сделавшего так много для России и русской науки» (20). РАН возбудила ходатайства перед Народным Комиссаром по Просвещению и Комиссариатом Финансов.

В апреле 1918 г. германские войска, нарушив Брестский мир, заняли Крым. В ноябре 1918 г. — полуостров оккупировали войска Антанты. На Украине весной 1918 г. к власти пришла Центральная Рада.

Бертье-Делагард тяжело переживал испытания, выпавшие на долю Его Отечества. Причины гибели России он видел прежде всего в союзе с Англией и Францией, которым он не мог простить Крымской войны: «Мое детство и юность воспитаны на близком знакомстве с поражением России и гибелью родного города в Крымскую кампанию, чего я не мог ни простить, ни забыть никогда» (Н. П. Кондакову — 29 января 1904 г.) (21).

Бертье-Делагард воспринимал исторические события, происходящие в России как политическую драму. В его письмах дана достаточно резкая характеристика как различных слоев общества, так и различных политических партий и течений: «...я ясно осознал, что каждый день будет вколачивать гвозди в гроб России. В ней культурные люди, так называемая интеллигенция, главные виновники ее развала, сумели дойти только до вопля: Революция- Углубить ее!!! ...Получилась не революция, а только выявилась всеобщая Пугачевщина, простой разбой и грабеж... Торчащие впереди толпы выкрикива-

ют чужие, по громкие фразы и даже красивые и разнообразные; сама же толпа, получившая свободу грабежа, разбоя и безделья, ни о чем ином знать не хочет и не может. Вот упрощенные основы русской истории и последней ее трагедии — «Гибель России» (22). Возможно, что все происходящее в России чем-то напоминало Бертье-Делагарду события периода Французской революции, от которой вынужден был бежать его дед. Драма, разыгравшаяся в России, состояла из нескольких действий, первое из которых «уничтожение буржуа», вначале было поставлено грязно и кроваво, но малоуспешно; теперь оно идет правильно и неуклонно: у буржуа, с помощью умышленно безграничного печатания бумажек и беспредельного, также умышленного взвинчивания базарных цен, выпускают всю кровь, с чем конец бывшего буржуа близок и неизбежен. Необъятность числа грабителей и совершенное ничтожество имущих в нищей стране неизбежно должны были повести к усовершенствованию грабежа и стало быть к образованию бесчисленных разбойничьих шаек: отсюда и второе действие: «Разбой и грабеж». Ленин с Троцким, Болдырев с Колчаком, Петлюра и Махно, Деникин и Краснов, Англичане и Французы и проч., проч. В этом хаосе быстроменяющихся шаек и имен существо одно и то же, таков же и их конец... В конце этого действия с помощью союзников наступит третье: «Власть большевиков». Вот тогда то и появятся спасители немцы с кнутьями. В Ялте... налаживание разбойничьих шаек из сплошного большевистского населения, также идет успешно; (Татарствующие кадеты усердно стараются по-прежнему, видимо ничему не научившись, и болтая во всю и везде... Давно готовился ко всему подобному, но все же обуян ужасом безграничным, ибо — нет России!!!) — (И. А. Линниченко — 23 февраля 1919 г.) (23). Самым страшным для Александра Львовича была даже не постоянная смена политических режимов, а развал России, гибель Российской империи.

Александр Львович понимал, что жить ему оставалось недолго. В сложившейся ситуации он не видел другого выхода, кроме продажи своих коллекций. Если бы их не экспроприировала Советская власть, с политикой которой он успел познакомиться, то вполне могли отобрать и разграбить деникинцы (в конце 1919 г. часть их под командованием генерала Слащова закрепилась в Крыму, а вообще войска Деникина захватили Крым еще в июне 1919 г.).

Все это вынудило Бертье-Делагарда согласиться на продажу коллекций, но подробности нам не известны. Часть его коллекций после продажи оказалась за границей в Женеве и в Британском музее (24).

Единственное, что осталось у членов семьи Александра Львовича после его смерти (13 февраля 1920 г.) это его награды, но и они были конфискованы Советской властью в 20-е годы.

Искренний патриот России, Александр Львович не мог пережить крушения своих идеалов и гибели русской культуры «которую не могло перенести его старое, больное, но до конца бившееся глубокой и горячей любовью ко всему своему родному — русское сердце» (25). В своих суждениях, особенно политических, Бертье-Делагард был довольно резок, но необходимо учитывать два фактора. Во-первых, Александр Львович не был ни политическим деятелем, ни публицистом; во-вторых, это частная переписка отнюдь не предназначенная для публикации. Его политические симпатии и антипатии отражали взгляды той среды, где он родился и воспитывался. Верность девизу дворянского рода Бертье-Делагардов «*Dieu et mon devoir*» — «Бог и мой долг» — Александр Львович доказал всей своей жизнью.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Линниченко И. А. Некролог А. Л. Бертье-Делагарда. Центральный Государственный архив Крыма. — Ф. 538. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 26.
2. Симферопольский краеведческий музей. — Фонд Бертье-Делагарда. — Оп. 5. — № 64. — Л. 1—3.
3. Архив ВИМАИВ и ВС. — Ф. 52. — Оп. 110/30. — Д. 469. — Л. 31об.
4. Симферопольский краеведческий музей. — Фонд Бертье-Делагарда. — Оп. 5. — № 64. — Д. 21. — Л. 4.
5. Симферопольский краеведческий музей. — Фонд Бертье-Делагарда. — Оп. 5. — № 65. — Д. 21. — Л. 3—26.
6. Столярик Е. С. Александр Львович Бертье-Делагард (150 лет Одесскому Обществу Истории и Древностей)//Тезисы докладов юбилейной конференции. — Одесса. — 1989. — С. 21—24.
7. Маркевич А. И. К судьбам коллекций древности и старины А. Л. Бертье-Делагарда//Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. — 1928. — № 59. — С. 144.
8. ПФА РАН. — Ф. 115. — Оп. 4. — Д. 45. — Л. 113.
9. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 11об.
10. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 49об.
11. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 47об.
12. ОПИ ГИМ. — Ф. 136. — Д. № 9.
13. ОПИ ГИМ. — Ф. 136. — Д. № 9.
14. ОПИ ГИМ. — Ф. 136. — Д. № 9.
15. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 67.

16. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 86.
 17. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 58.
 18. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 79.
 19. Симферопольский краеведческий музей. Фонд Бертье-Делагарда. — Оп. 5. — № 64. — Л. 5.
 20. Протоколы заседаний общего собрания Российской Академии Наук. 1918 г. (на правах рукописи). ПФА РАН. — Ф. 1. — Оп. 1-а. — 1918. — № 165. — ЛЛ. 376—377.
 21. ПФА РАН. — Ф. 115. — Оп. 4. — Д. 45. — Л. 20.
 22. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — ЛЛ. 100об--104об.
 23. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — ЛЛ. 100об--104об.
 24. Маркевич А. И. К судьбам коллекций древности и старины А. Я. Бертье-Делагарда//Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. — 1928. — № 59. — ЛЛ. 142—146.
 25. Линниченко И. А. Патриарх Крымоведения//Центральный Государственный архив Крыма. — Ф. 538. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- Архив ВИМАИВ и ВС — Архив Военно-Исторического Музея Артиллерии, Инженерных Войск и Вооруженных Сил.
 ГАОО — Государственный Архив Одесской области.
 ОПИ ГИМ — Отдел Письменных Источников Государственного Исторического Музея.
 ПФА РАН — Петербургский Филиал Архива Российской Академии Наук.